головою и выбежал из двери. Бросился к сараю, где хранился инвентарь — тащил с Мишкой мешок хлеба, и из-за плеча его кисею вилась дым, выгораживало тусклое в дневном свете пекло.

— Зата-ло-го-гоуу!.. — дико взревел подняв к камышовой крыше трещущую головню. Казаки дрогнули и стали. Ветер сухой и горячий дул с востока, относил дым от крыши к завозчикам, к куче сгрудившихся товарищей... Одну выброшенную искру в сухой камыш крыши и должен схватиться хутор...

Гул ярости и короткий хрипящий ряд казаков. Все — кто задом отходил к мельнице, а товарищи махая головней, сбив огненные капли из сизого дыма кричал:

— Стамо, туда расстуда!.. Сна-ло-гоуу! Уходи с двора...

Сильный, во многих местах изуродованного своего лица, Яков Подкова — зачинщик драки — первый покинул мельничный двор. За ним стали поспешно и скоро. Товарищи побросав мешки запрягли в фургон лошадей и стоя, махая вожжами уздами ременными, полосуя лошадей кнутами вырвались из двора и загрохотали по улице за хутор.

Абз. Безрукий Алексей — посередине двора, мечется по подоконному животу холостой завязанной в конце рукав рубахи, всегдашней судорогой дергается глаз и щека.

— На конь, казаки!..

— Догнать!..

— Далеко пешка не уйдет...

Митька Корнушов кособочась кинулся было из двора. Замешкав суматоха слова тронула собравшихся у мельницы казаков, но в момент этот от нашумевшей скорыми шагами подошел неприметный раньше незнакомый в черной шляпе человек; строгая тишь левизны сведенных в кучу острых глаз побила руку.

— Стойте...

— Кто такой? — сдвинул тяжелые брови подковы.

— Я? Я лекарь. Отсель сорвался?

— Узо ево!.. Га!..

— Га!..

— Тю-ю-ю...

— Станичники, постойте...

— Куцой кобель тебе станичник!

— Тушик!..

— Лапоть дровяной!..

— Дай ему, Ясь!

— По глядельцам ему!.. По глядельцам!..

Человек улыбнулся смущенно и без боязни. Стал